

С. 323—325. № 187 (ф. 312. № 274); С. 387—388 (ф. 307. № 431).

¹⁰ В публикации записи Усачёв упустил в её окончании слово: «Аминь» (*Иванова О.А., Гальченко О.М., Гнатенко Л.А.* Слов'янська кирилична рукописна книга... С. 237).

¹¹ Отметим также, что модальность в формулировках не всегда выдержана. Так, рассуждая о двух списках Пролога из Рогожского собрания (т. 2, с. 71—72, 73. № 113, 115), автор однажды допускает их новгородское происхождение (т. 1, с. 72), однако во всех осталь-

ных случаях пишет об этом либо как о готовом знании, либо даже подчёркивая «очевидность» этого отождествления (см. т. 2, с. 71—73).

¹² Эта разница в одну единицу между декларируемым количеством изученных записей и составом каталога во втором томе вызвана дополнением одной единицы в каталоге, видимо, на этапе завершения работы — в монографии № 324 и 324а.

¹³ *Febvre L., Martin H.-J.* L'apparition du livre. P., 1971.

Людмила Марней, Борис Носов

Рец. на: К.А. Кочегаров. Украина и Россия во второй половине XVII века: политика, дипломатия, культура. Очерки. М.: Квадрига, 2019. 424 с., ил.

Liudmila Marney, Boris Nosov

(both — Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: К.А. Кочегаров. Ukraina i Rossiia vo vtoroy polovine XVII veka: politika, diplomatia, kul'tura. Ocherki. Moscow, 2019

DOI: 10.31857/S086956870007412-4

Серия «Исторические исследования» издательства «Квадрига» пополнилась монографическими очерками Кирилла Александровича Кочегарова «Украина и Россия во второй половине XVII века: политика, дипломатия, культура». Российско-украинские отношения второй половины XVII в. несколько лет были объектом пристального изучения автора. Его кропотливая работа в российских и польских архивах позволила не только расширить источниковую базу исследования, рассмотреть поставленные проблемы в широком контексте связей и отношений России с Украиной, Речью Посполитой, Турцией и Крымом, но и обнаружить значительный комплекс материалов, которые впервые вводятся в научный оборот. Кочегаров не просто использует новые источники для верификации существовавших в историографии точек зрения по различным аспектам рус-

ско-украинских отношений, но и публикует неизвестные ранее документы в приложениях к каждому очерку. Хотелось бы особо отметить, что среди немалого числа пишущих на «украинскую тему» отечественных авторов Кочегаров не только отличает владение украинским и польским языками, но и фундаментальное знание архивов России, Польши и Украины, а также историографии рассматриваемых проблем. Особенно это касается источников польского происхождения и польской историографии, в то время как для многих авторов работа с польскими источниками и литературой оказывается крайне затруднённой¹.

Центральной темой первого раздела исследования Кочегарова стала судьба Правобережной Украины и борьба Речи Посполитой, России, Крымского ханства и Османской империи за украинские земли во второй

половине XVII в. Сложное взаимодействие внешнеполитических сил, столкновение сословных, корпоративных и групповых интересов, а также родовые, семейные и личные взаимоотношения в верхах русского, украинского и польского феодальных сообществ в борьбе за украинские земли исследователь рассматривает через призму восприятия участниками событий и их отражения в судьбах украинских гетманов, представителей казацкой старшины, дипломатов разных стран, купцов, кошевых атаманов. Такой подход к исследованию позволяет выявить существенные исторические закономерности и представить проявления исторического процесса в судьбах, в достижениях и драмах конкретных людей.

В первом очерке «Казацкое посольство Михаила Родкевича-Портянки к турецкому султану. 1667» автор предпринял успешную попытку, несмотря на недостатки источниковой базы, которую отмечали предшествующие исследователи, осветить один из наиболее малоизвестных сюжетов в отношениях запорожских гетманов и Османской империи. В 1667 г. гетман Правобережной Украины П.Д. Дорошенко направил в Турцию посольство Михаила Родкевича-Портянки. Целью миссии «было подтолкнуть Порту к активным действиям против Речи Посполитой» (с. 16). Добиться желаемого результата можно было только в случае признания верховной власти султана. Однако последующие события показали ошибочность позиции гетмана. Изучению дипломатической карьеры Евстафия (Остафия) Гиновского-Астаматия в период гетманства турецкого ставленника Юрия Хмельницкого посвящён следующий очерк. Анализ деятельности Астаматия даёт возможность прояснить «политическую программу той немногочислен-

ной казацкой группировки, которая стояла за спиной турецкого ставленника» в 1677 г. (с. 21).

Международные контакты Запорожской Сечи в последние годы Русско-турецкой войны 1672—1681 гг. стали объектом исследования в третьем очерке. Кочегаров показывает, что в период, когда Крымское ханство, Османская империя и Россия вели борьбу «за включение территории Низового Войска Запорожского в сферу своего политического влияния», запорожское казачество было не только объектом этой борьбы, но и развивало отношения с соседними странами, в том числе и с Речью Посполитой, которая, впрочем, в это время не оказывала серьёзного влияния на политическую ситуацию в низовьях Днепра (с. 54). С XVI в. днепровское казачество было источником беспокойства для восточноевропейских государств и Оттоманской Порты. Борьба Московского государства, Оттоманской Порты и Крымского ханства за украинские земли в конце 1670-х — начале 1680-х гг. в значительной степени предопределяла и судьбу Запорожской Сечи. Кошевой атаман Иван Серко, несмотря на умелое сочетание дипломатического и военного давления со стороны Оттоманской Порты, искал способа избавиться от турецкой опеки в возобновлении отношений с Речью Посполитой. Последняя, не имея действенных механизмов влияния на политическую ситуацию в низовьях Днепра, не могла воспрепятствовать постепенному движению Запорожья в сторону России, хотя международная обстановка конца 1670-х гг. не способствовала этому сближению.

Период (как его определяют украинские историки) «украинско-молдавской “персональной унии” или “гетманства Георгия Дуки”» на правом берегу Днепра стал предметом

исследования в четвёртом очерке. Кочегаров подробно рассматривает судьбу молдавского господаря, который после отречения от гетманства П.Д. Дорошенко и непродолжительного правления ставленника Османской Порты Ю. Хмельницкого стал гетманом на Правобережной Украине. Автор детально описывает обстоятельства провозглашения Дуки гетманом, его политические планы в отношении Правобережной Украины и их реализацию. Большое внимание уделено дипломатическим попыткам России пересмотреть Бахчисарайский мирный договор (1681), изменения в который без согласования с русской дипломатией внесли ханский и султанский дворы, тем самым поставив левобережного гетмана И. Самойловича перед необходимостью вести переговоры с господарем, чтобы предотвратить массовое переселение «с Левого берега на Правый» (с. 201).

Говоря о разделе в целом, можно констатировать, что в центре внимания автора — очень важная, но политизированная проблема — проблема выбора пути объединения разрозненных украинских земель и генезиса украинской государственности. Вместе с тем Кочегаров, вероятно, осознанно избегает ответа на принципиальный вопрос, в какой мере сословные корпорации украинской старшины или запорожского казачества можно трактовать как некую протогосударственность. Ведь мы не наблюдаем никаких признаков преодоления феодальной раздробленности на Украине XIV — первой половины XVII вв., после распада Древней Руси и монгольского нашествия. Да и сам термин «гетман» означал повсеместно только предводителя феодального ополчения.

Второй раздел монографии «Интеграция России и Украины во вто-

рой половине XVII века» начинается с очерка «Древнерусское прошлое в политических концепциях украинской элиты. Вторая половина XVII века». Если в первом разделе основное внимание было уделено военно-политическим и международным аспектам истории развития Украины, то во второй части автор обратился к процессам трансформации общественного сознания, в частности историко-политическим воззрениям казацкой старшины. К.А. Кочегаров, опираясь на выводы историков (в том числе Б.Н. Флори), отмечает, «что на начальном этапе народно-освободительной войны 1648 г.² историко-политические представления казачества и его лидеров были весьма ограниченны» (с. 207—208). Перелом наступил зимой 1648—1649 гг., когда казаки, «поняв всю иллюзорность возможности преобразования Речи Посполитой таким образом, чтобы роль “русского народа” в ней стала ведущей, стали мыслить о создании собственного государства либо о переходе в подданство иного правителя» (с. 208). Укрепить эту позицию должно было и обращение к истории. В 1650—1680-х гг. историческая концепция светской элиты казацких земель эволюционировала на базе идей киевского духовенства о исконном единстве «всех восточнославянских земель» и династических правах на них русских царей. Постепенно в её рамках чётко оформился тезис о добровольном воссоединении бывших земель Древней Руси под властью исконного монарха (при этом обосновывалась преемственность Романовых и Рюриковичей). В обмен на это светская и духовная элита рассчитывала на сохранение своих сословных прав и привилегий и на поддержку Москвы в присоединении тех частей «Киевского наследства», которые всё ещё оставались под властью Речи

Посполитой. Вечный мир 1686 г. не только окончательно разделил земли казацкой Украины по Днепру между Россией и Речью Посполитой и «надолго похоронил идеи украинской верхушки на объединение земель Правого и Левого берега Днепра под скипетром русского царя» (с. 243), но и способствовал отказу от данной концепции на фоне происходившего в конце XVII в. процесса складывания малороссийского дворянства, которому необходимо было обосновать свои права на «наследственное владение землей и крестьянами» без обращения к древнерусской истории.

Пребывание Дорошенко в России в 1677—1684 гг. и отношение к нему царского правительства стали предметом рассмотрения во втором и третьем очерках — «Гетман Пётр Дорошенко в России. 1677—1682» и «Гетман Пётр Дорошенко как великорусский помещик». Последние годы жизни гетмана в статусе великороссийского помещика показывают, каким образом правительство пыталось изолировать «некогда грозного казацкого вождя Правобережной Украины» от политических процессов на его родине. Дорошенко сначала поселили в Москве, затем отправили на воеводство в Яткю, а после ввели «в состав правящего сословия путём матримониальных связей и богатых земельных пожалований» (с. 333). Поставленная проблема включения представителя казацкой старшины в состав российского благородного сословия, пожалуй, рассмотрена Кочегаровым в отечественной историографии впервые. Случай с Дорошенко показывает, что, в отличие от разного рода «татарских царевичей» и «кавказских князей», украинская казацкая старшина не рассматривалась в Московском государстве как «служилый чин» или как «благородное сословие». Не приравнялась

она и к иностранному дворянству. Это закрывало для представителей украинских верхов доступ в чиновную систему Московского государства. В XVII в. исключения делались только для украинских гетманов, да и то по царской воле в особом порядке, как свидетельствует история Дорошенко. Без ответа остался немаловажный вопрос: открыли ли ему формальный доступ в служилые верхи Московского государства родственная связь, земельное пожалование или назначение на воеводство. Ситуация изменилась только в XVIII в., когда в среде русского дворянства и аристократии мы встречаем выходцев из Украины, хотя и в это время их было относительно немного.

Особое место в очерках принадлежит культурным контактам Московского царства и Украины, причём в такой специфической сфере как врачевание. Этой проблеме посвящён четвёртый очерк — «Аптекарский приказ и Украина. 1670—1680-е гг.». Здесь исследован очень необычный, но от этого не менее интересный аспект русско-украинских отношений, основанный на ранее неизвестных источниках. Увлекательное повествование заслуживает внимания не только специалистов, но и любителей занимательного чтения из русской и украинской истории. Вместе с тем в очерке поставлен ряд сложных и важных проблем. Здоровье государей и высшей знати в Средние века и в раннее Новое время, защита их от подлинных опасностей и мнимых колдовских чар всегда были особенно важной придворной и политической проблемой. Взаимодействие в этой области русских и украинских верхов можно рассматривать как важную характеристику политических отношений и взаимного доверия между ними. Связи в области медицины

для того времени были также знаком контактов в области научного знания и, говоря современным языком, высоких технологий, причём Кочегаров отметил принципиально важное обстоятельство: отношения в этой области получили распространение на широкий круг общественных и культурных русско-украинских связей.

Можно посетовать на отсутствие заключения, где К.А. Кочегаров как признанный специалист мог бы поделиться с читателями суждениями по наиболее важным проблемам истории Украины XVII в. и вопросам развития русско-украинских отношений, тем самым суммируя и обобщая уже сделанные им интересные наблюдения и глубокие выводы. Тем не менее в распоряжении заинтересованного читателя оказывается не только прекрасно написанное историческое исследование, но и значительный комплекс архивных и иллюстративных

материалов, на основании которых можно делать собственные выводы об истории украинских земель в XVII в. в контексте международных отношений. Новизна привлечённого материала и выводы, сделанные на основе фактических данных, расширяют представления об истории сложных и противоречивых российско-украинских отношений второй половины XVII в., дают исследователям яркие свидетельства драматической истории украинского казачества того времени.

Примечания

¹ Таирова-Яковлева Т.Г. К вопросу о структуре и источниковой базе Летописи Самойла Величко // Славяноведение. 2019. № 2. С. 11–24.

² Мы не касаемся в данном случае историографических перипетий и публицистических дискуссий о характере восстания под предводительством Богдана Хмельницкого, используя для его обозначения сомнительное определение, применённое К.А. Кочегаровым.

Виктор Захаров

Рец. на: Р. Синигалья. Российская империя и Генуэзская республика: история дипломатических отношений. М.: Индрик, 2018. 360 с.

Viktor Zakharov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: R. Sinigaglia. Rossiyskaya imperiya i Genuezskaya respublika: istoriya diplomaticheskikh otnosheniy. Moscow, 2018

DOI: 10.31857/S086956870007405-6

Исследования по истории российско-итальянских контактов в эпоху Нового времени — редкое явление в современной историографии. А если учесть, что на территории Италии до её политического объединения существовало несколько государств, изучение отношений России с одним из них тем более достойно внимания. Поэтому появление книги Роберто

Синигальи об отношениях России и Генуи в конце XVIII в. нельзя оставить без внимания. На русском языке, пожалуй, это первая значительная публикация итальянского автора о связях России и Италии в XVIII в. после опубликованного более полувека назад перевода обстоятельной монографии Джузеппе Берти (в этой книге отношения России с Генуей